УДК 947.084.6 (571.6)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3/103-109

А.А. Исаев*

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА СРЕДИ КИТАЙСКОГО И КОРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В 1930-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ)

На основе архивных документов в статье анализируются основные направления политико-идеологической работы среди китайского и корейского населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. на примере Приморской области. Автор рассматривает задачи, формы и методы политико-идеологической работы, а также подходы к повышению ее эффективности, выявляет достижения и упущения, основные результаты и значение политической просветительской и воспитательной работы среди китайского и корейского населения.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приморская область, китайцы, корейцы, идеологическая работа, политическое просвещение

Ideological work among the Chinese and Koreans of the Soviet Far East in the 1930s (the case of Primorsky region). ALEKSANDR A. ISAEV (Far Eastern Federal University)

Based on archival documents, the article analyzes the main directions of ideological work and political education among the Chinese and Koreans of the Soviet Far East in the 1930s on the example of Primorsky region. The author examines the tasks, forms and methods of political education and ideological work, as well as approaches to increasing its effectiveness, reveals achievements and omissions, main results and significance of this work among the Chinese and Korean workers of the region.

Keywords: Soviet Far East, Primorsky region, Chinese, Koreans, ideological work, political education

В начале 1930-х гг. на Дальнем Востоке СССР проживала значительная часть представителей нерусских этнических групп, которые наравне с русскими, украинцами и белорусами активно вовлекались в социально-экономическое и политическое развитие региона и страны в це-

лом. Большую часть нерусского населения юга дальневосточного региона составляли представители китайской и корейской национальности, которые в документах того времени зачастую именовались обобщенно – «восточники». В 1933 г. средняя численность «восточников»

* ИСАЕВ Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: isaev.aa@dvfu.ru

© Исаев А.А., 2018

только по Приморской области составляла 21% всего населения. По районам области их численность была следующей: Посъетский р-н – 88%; Никольск-Уссурийский – 54%; Сучанский – 50%; Покровский – 35%; Гродековский – 34%; Ольгинский – 25%; Ханкайский – 24%; Черниговский и Ивановский – по 21% (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 88. Л. 123). Понимая это, советское партийно-политическое центральное и местное руководство стремилось использовать этот значительный человеческий ресурс в социально-экономическом, политическом и культурном развитии региона. С этой целью среди них была развернута массовая культурно-просветительская и политико-идеологическая работа, нацеленная на формирования общего идейного настроения для построения «нового справедливого социалистического общества».

В начале 1930-х гг. только по Владивостокскому городскому району функционировало 15 китайских и корейских партийных ячеек с охватом 1169 человек (762 корейца и 407 китайцев). С конца 1920-х гг. до начала 1930-х гг. национальная часть партийной организации выросла на 428 чел., или на 57,7%, среди которых подавляющее большинство представляли передовики производства и хозяйства по выполнению плана. Увеличение было достигнуто за счет улучшения массовой идеологической и просветительской работы. В продолжение развития системы политико-просветительской сети в 1933 г. было открыто 10 вечерних партийных школ и политических кружков по линии корейской части парторганизации с охватом 420 чел., и китайской – 7 школ и кружков с охватом 211 чел. Во Владивостоке эффективно работал единственный на Дальнем Востоке Интернациональный педагогический институт с рабочим факультетом (рабфаком) с охватом учащихся до 500 чел. из числа корейской и китайской молодежи. Успешно функционировали Советская партийная школа (СПШ) и Китайский педагогический техникум с охватом учащихся до 250 чел. из числа китайской молодежи. В техникумах, рабфаках и вузах имелось 5 корейских и 3 китайских отделения с охватом до 300 чел. (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 196. Л. 92–93).

Благодаря широкому охвату политико-идеологической работой «восточники» демонстрировали отличные результаты в труде. Так, среди многочисленных передовиков производства, которые являлись одновременно и проводни-

ками политико-идеологического просвещения и воспитания в массах, выделялись: по пути-не – Ким-Син-Дин, который выполнил годовую программу 1932 г. на 189,4%; по промышленности – бригада рабочих в составе 20 чел. под руководством ударника Тянь-Би-Лина, которая только за третий квартал 1932 г. помимо перевыполнения плана сэкономила 3485 рабочих часов; по морскому транспорту – бригада Ли-Юн-Мана, которая в октябре 1933 г. выполнила свою программу на 145%; в сельском хозяйстве – полевая бригада Че-Ген-Чир колхоза «Новый Мир», постоянно перевыполнявшая производственный план (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 196. Л. 92).

Основную часть политико-просветительской массовой работы среди корейского и китайского населения ДВК составляли «интернациональное воспитание» и «борьба с шовинистическими проявлениями». Далькрайком ВКП(б) в своем решении от 23 сентября 1932 г., в частности, отмечал, что «в условиях ДВК марксистско-ленинское воспитание приобретает исключительное значение в виду особой роли и значения края в социалистическом строительстве СССР, молодого в основном кандидатского состава Дальневосточной партийной организации и большого разнообразия в крае национальностей». Однако уже в резолюции о предварительных итогах реализации данного решения Далькрайкома ВКП(б) отмечалось, что «до сих пор в районах не разбита оценка откладывания марксистско-ленинского воспитания на вторую очередь после выполнения хозяйственных компаний. Непонимание и неумение использовать марксистско-ленинское воспитание как одно из сильнейших орудий для выполнения народно-хозяйственных планов. Отсутствует или слабо проводится подготовка рабочих и сельских пропагандистов, в том числе из национальных меньшинств» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 94. Л. 34).

Подобное положение наблюдалось в общеобразовательных учебных заведениях. На 1933 г. из работающих в Приморской области национальных школ корейских было 294, китайских – 2 (городская в г. Владивостоке, сельская в Верхне-Суйфунском районе) (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 104). В качестве существенного недостатка их деятельности отмечалось отсутствие партийной прослойки среди учителей, что отрицательно отражалось на качестве обучения. Проблемой являлось отсутствие методической и детской литературы на родном языке.

Как отмечалось в документах, данные школы не использовались для улучшения и активизации интернационального воспитания, и дети этих национальностей были недостаточно включены в детское коммунистическое движение (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 93. Л. 20–21). Вместе с тем, в качестве одного из негативных факторов называлось неудовлетворительное состояние снабжения национальных школ (прежде всего корейских, китайских) учебниками и программами. Культпропы РК ВКП(б) периодически через бюро Обкомов ставили вопрос перед Крайкомом о решительном ускорении издания учебника для национальной школы для недопущения срыва учебного процесса (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 86. Л. 65).

Неудачи политической работы среди корейских и китайских трудящихся, в свою очередь, приводили к появлению в их среде критических высказываний в адрес не только коллег по работе и начальства, но и всей системы власти. Очень плохо была поставлена политическая агитация среди китайских трудящихся городов и районов. Обкомы и райкомы, политотделы первичных организаций просто не уделяли должного внимания работе среди китайских трудящихся. Отсутствие внимания к ним приводило к тому, что только в г. Владивостоке на фоне низкой заработной платы и периодических задержек в ее выплате, а также плохих бытовых условий были зафиксированы «нездоровые» настроения среди китайцев (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 464. Л. 29).

Восточные трудящиеся часто не были охвачены культурно-бытовым и политико-идеологическим обслуживанием, что было следствием бездействия национальных партийных ячеек, которые не реагировали своевременно на нужды рабочих и колхозников, не стремились преодолевать «политическую отсталость» отдельных групп восточных рабочих. Бригадная проверка выявила отсутствие массовой политической разъяснительной работы на Дальзаводе, Эгершельде, Цементном заводе и других крупных промышленных предприятиях и организациях, где работали представители «восточников». Вся работа перекладывалась на особых национальных уполномоченных, которых никто не знал и работа которых никем не контролировалась. По данным Владивостокского ГК ВКП(б), на 5 мая 1933 г. в сеть партийного просвещения был вовлечен 491 кореец (11,5% от общего числа слушателей) и 214 китайцев (5% от общего числа слушателей). Из них мало

кто хоть немного знал русский язык. Восточные рабочие не понимали доклады на русском языке без перевода, однако система партийного просвещения переводчиками обеспечена не была. Вопросами правильного проведения в жизнь национальной политики партии в деревне повседневно никто не занимался. Иманский КК-РКИ в своем решении от 27 июня 1933 г. констатировал упадок политико-массовой работы среди «восточников», наличие конфликтов между русскими и восточными рабочими (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 88. Л. 128–129; 131).

Говоря о конфликтах, стоит отметить вопиющие факты избиения восточных рабочих на Электростанции, занижения нормы отпуска хлеба китайским рабочим (300 г против 500 г для русских рабочих), установления самообслуживания в столовой на Чуркине только китайским рабочим и др. (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 196. Л. 93). Заведующий обозом леспромхоза Исаков в течении ряда месяцев терроризировал китайских рабочих (ругань, издевательство, запугивание): дошло до того, что при его появлении на кухне китайские рабочие разбегались. По отношению к китайцам имелись случаи серьезной задержки выплаты заработной платы на срок до 5–7 месяцев (Российский государственный архив социально-политической истории, далее – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 36. Л. 94–94об). Отмечались также факты бытового неравенства между русскими и восточными работниками предприятий и организаций. Так, китайские рабочие Уссурийской железной дороги были вынуждены снимать жилье у частного (большая скученность, антисанитария, грязь, холод) несмотря на то, что у железной дороги имелось хорошее общежитие, которое, однако, предоставлялось только русским рабочим. Такая же ситуация наблюдалась на многих промышленных предприятиях и в отношении корейских рабочих.

Для вовлечения китайских трудящихся, которые в большинстве проживали и работали в г. Владивостоке и в промышленных городах (Сучан, Спасск, Никольск-Уссурийский и др.), в дело социалистического строительства и приобщения к новым реалиям, хозяйственно-политическое руководство стремилось обеспечить проведение необходимой культурно-просветительской и политико-идеологической работы. Для них организовывались клубы, где всегда была классическая и политическая литература и пресса на китайском языке, выходили стенные газеты, проходили спектакли китайского

театра и киносеансы на китайском языке или с китайскими субтитрами. На производствах они обслуживались силами партийных кабинетов, красных уголков. Так, во Владивостоке на Дальзаводе и Эгершельде рабочие-китайцы обслуживались красными уголками, клубом, китайским театром, кино и агитбригадой китайского театра рабочей молодежи (ТРАМ). В остальных городах китайские рабочие обслуживались профсоюзными клубами и уголками (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 104). Однако главный упор в деле идеологической работы среди «восточников» делался на советские партийные школы, техникумы и институты.

В Дальневосточном крае до 1933 г. в систему обучения китайских рабочих входили китайский педагогический техникум во Владивостоке, китайское отделение рабфака, китайское отделение педагогического института, китайское отделение Хабаровского Далькомвуза и Владивостокская китайская Совпартшкола 2-й ступени. Затем все эти разнотипные учебные заведения в целях концентрации материальной базы и преподавательских сил были объединены в Китайскую краевую ленинскую школу повышенного типа (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 597. Л. 14). С 29 сентября 1933 г. она стала именоваться Дальневосточной китайской ленинской школой повышенного типа и являлась единственным в Дальневосточном крае и в СССР китайским учебным заведением при Наркомпросе. Школа занималась подготовкой кадров как для политико-просветительской работы, так и для работы в органах оборонного значения, в том числе для военных и политических органов (т. н. «спецработы») внутри Дальневосточного края [5, с. 133–134].

Качество выпускников школы оценивалось как в целом не высокое. Требование к повышению качества выпускаемых школой кадров звучало постоянно, но удовлетворить его школа не могла. Одной из причин этого был весьма короткий срок учебы. Учитывая, что большая часть обучающихся отличалась малограмотностью, меньшей культурной развитостью, а также отсутствием должной политической активности, партийным и советским организациям приходилось применять в работе с китайцами индивидуальный подход, что создавало определенные затруднения и требовало особой подготовки работников для проведения политико-идеологической работы (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 597. Л. 10).

Помимо данной школы, которая не могла охватить политико-идеологическим просвещением все китайское население дальневосточного региона, в разнообразной форме проводились подготовки и переподготовки партийного актива. В крупных городах ДВК (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск) в летнее время для партийного актива китайских коммунистов были организованы вечерние курсы по изучению истории ВКП(б) и истории китайской компартии. Для этого осуществлялось издание для китайских школ необходимых учебников и другой учебной, научной и методической литературы. Организовывались летние курсы повышения квалификации для китайских учителей и преподавателей, в ходе которых определялись и выявлялись возможности организации дополнительных китайских школ и других форм работы. В ходе курсовых мероприятий дополнительно проводилась работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди китайского населения (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 201. Л. 20).

На предприятиях, стройках и транспорте осуществлялась кружковая работа, как низовой уровень политического просвещения. Так, в 1935 г. во Владивостокском порту, где работало 442 китайских работника, были созданы кружок по изучению истории ВКП(б), актив которого составлял 12 чел., три школы для кандидатов в ВКП(б), в которых обучались 37 чел., и так называемый «кружок сочувствующих», насчитывавший 10 чел. Для них проводились беседы, читались доклады и лекции о политическом положении в Советском Союзе и Китае, издавались стенгазеты на китайском языке [1, с. 146]. Подобные формы политико-идеологической работы были призваны идейно стимулировать работников в деле построения совместно с представителями других народностей и национальностей справедливого общества и сильного государства.

Обучение в школах, на курсах и в кружках во многом способствовало появлению и развитию ударничества среди китайских трудящихся, являвшихся слушателями данных школ. Во время прохождения производственной практики на предприятиях и в организациях они проводили активную политико-идеологическую работу среди китайских работников путем разъяснения основных политических вопросов, громких чтений газеты «Рабочий путь», выступали на собраниях по политическим и экономическим вопросам (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 88. Л. 108).

Корейские рабочие в городах и на предприятиях обслуживались профсоюзами, а корейцы-колхозники, проживавшие в сельских местностях, – избами-читальнями и клубами колхозников. Корейские школы имелись во всех районах Приморской области. Из 21 района области один район – Посыетский – по населению и по управлению являлся до 1938 г. исключительно национальным районом, населенным корейскими трудящимися. В остальных районах корейцы составляли от 10% до 40% населения района (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 104).

Сдвиг в росте сети политико-просветительской работы отмечался с 1930 г. и был связан с введением системы всеобщего обучения, ростом школ и, как следствие, районных бюджетов на народное образование. Корейское население в деле политико-идеологического массового просвещения и воспитания обслуживали школы трех типов: школы первой ступени, школы коммунистической молодежи (ШКМ) и фабрично-заводские семилетки (ФЗС)¹. Число корейских школ продолжало расти: в 1931–1932 учебном году в крае действовали 380 школ всех ступеней, которые посещали 33 595 учеников, т.е. свыше 85,5% от общей численности корейских детей школьного возраста. Сеть школ первой ступени выросла до 351, а число учащихся – до 28 846 человек, в четырех школах второй ступени обучалось 700 учеников, в двадцать одной школе колхозной молодежи – 3073 учеников и в четырех фабрично-заводских школах – 976 учеников. Введение всеобщего обязательного образования в объеме начальной школы среди корейского населения в целом было осуществлено досрочно [2].

Для развертывания широкого охвата марксистско-ленинским воспитанием национальных районов и национальных меньшинств ДВК обкомам и райкомам ставилась задача усилить подготовку нацменовских пропагандистов: «Для районов ... с корейским населением выделить переселенцев-передовиков из грамотных, провести на родном языке краткосрочные курсы пропагандистов, снабдить национальные

районы и нацменьшинства национальной литературой» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 94. Л. 36).

На 1 мая 1931 г. коллективы корейских бедняcko-середняцких крестьянских хозяйств превышали общие темпы колхозного развития на 53%. До определенной степени это стало результатом активизации политико-идеологической массовой разъяснительной работы через увеличение в 1,5 раза по сравнению с 1930 г. сети политико-просветительских учреждений для «восточников». Постепенно рос удельный вес «восточников» и в советах (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 36. Л. 94).

Дальневосточная Краевая Корейская советская партийная школа, функционировавшая в Никольске-Уссурийском, имела два отделения. Первое, политико-просветительское, подготавливало пропагандистов, заведующих избами-читальнями, политико-просветительских работников, обществоведов в Школы коммунистической молодежи (ШКМ), инструкторов РК ВЛКСМ. Срок обучения здесь составлял 2 года 8 месяцев. Второе, партийное отделение со сроком обучения 2 года занималось прежде всего повышением квалификации и переподготовкой парторгов, председателей сельских советов, бригадиров МТС, колхозных бригадиров (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 243. Л. 79–86).

Качество работы данной партийной школы в целом рассматривалось как удовлетворительное, однако вплоть до ее закрытия в конце 1930-х гг. продолжали иметь место различные проблемы материального (недооснащение помещений мебелью и вспомогательным инвентарем), кадрового (невысокий общеобразовательный и политический уровень преподавателей) и другого характера. Партийное руководство дальневосточного региона пыталось оказать учреждению необходимую поддержку, поскольку осознавало важность его работы в сфере развития партийно-политического просвещения среди корейского населения, что в условиях обострения международного положения во многом носило стратегический характер. Так, в постановлении бюро Далькрайкома ВКП(б) об итогах проведения подлинного партийного доклада в Ворошиловской партийной организации Уссурийской области от 8 января 1936 г. при рассмотрении состояния образования в корейской СПШ и корейском педагогическом техникуме отмечалось следующее: «...Необходимо в течение месяца провести мероприятия, обеспечивающие оздоровление корейской СПШ и корейского педагогического техникума

¹ Фабрично-заводские семилетки (ФЗС) – общеобразовательные школы, которые существовали в городах и рабочих поселках с 1926 по 1934 гг. Кроме общего образования такие школы на практике знакомили учащихся с трудовым приемом и процессам. Закончившие ФЗС могли поступить в 8-й класс средней школы или в среднее профессиональное учебное заведение. В мае 1934 г. ФЗС были преобразованы в неполные средние школы.

(пересмотреть состав преподавателей, заведующих отделениями, укрепить партийными и комсомольскими кадрами и т. п.). Необходимо добиться превращения этих учебных заведений в кузницы большевистских кадров, воспитывать в них учащихся в духе непримиримой борьбы за решение партии, за ленинско-сталинскую национальную политику. Городскому комитету пересмотреть состояние школ сети партийного просвещения, обеспечить однородность состава школ по подготовке слушателей, осуществить систему контроля за работой школ и их руководством, проверять успеваемость слушателей школ» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 439. Л. 26).

Корейские пропагандисты, как отмечалось в докладной записки по вопросам партийного просвещения за 1933 г., в основной своей массе стояли ниже по уровню политической подготовки по сравнению с русскими. Это объяснялось тем, что 90% из них не владели русским языком. В основу своей работы агитаторы, беседчики ставили только громкие читки газеты «Авангард». Игнорировали газеты «Тихоокеанская звезда», «Правда» и «Известия». Это обстоятельство и отсутствие необходимых условий не могли не отразиться на самом ходе и качестве учебы, которое характеризовалось как неудовлетворительное (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 88. Л. 111).

Наличие языкового барьера отрицательно влияло на все стороны взаимодействия русских и корейских трудящихся, включая коммуникации в ходе проведения политико-идеологической массовой разъяснительной работы. Периодически в Приморский областной комитет ВКП(б) направлялись докладные записки, в которых среди многих проблемных вопросов звучал и языковой: «... Плохо дело обстоит с пропагандой среди корейцев, которые не знают русского языка. Необходимо их выделить в особую группу, что мы сделать не можем, ввиду отсутствия преподавателей по общественно-политическим дисциплинам. До сего времени для них мы имели переводчика, но это не достигло своей практической цели и товарищи усваивали слабо, в силу чего прошу прислать пропагандиста-корейца, владеющего корейским и русским языком» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 513. Д. 48).

На Дальнем Востоке в 1930-е гг. работали сотни корейских школ разных уровней, а также другие учебные заведения с обучением на корейском языке. Издавались газеты и журналы на корейском языке, работал корейский театр, многочисленные самодеятельные кружки. Корейский язык функционировал в разных сферах

жизни, использовался и в обществе, и в семье, и в повседневном общении проживавших компактно корейцев [3, с. 259–260]. Недоступность политической, идеологической и методической литературы на корейском языке существенно тормозила культурно-просветительскую идеологическую работу. В протоколе совещания политотделов МТС с культпропами РК ВКП(б) от 23 июля 1933 г. в качестве одной из ключевых проблем, мешающих развертыванию политико-массовой работы, называлось отсутствие достаточного количества литературы, а также существующие в ней ошибки орфографического и содержательного характера, разночтения и разносодержательность между литературой, выпускаемой в ДВК, и аналогичной, выпускаемой в Москве (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 86. Л. 27).

К середине 1930-х гг. корейское население на Дальнем Востоке СССР в социально-экономическом и прежде всего в политическом отношении почти полностью интегрировалось в советское общество. Корейцы образовали колхозы и сельхозартели, трудились на промышленных предприятиях, развивали национальную культуру, принимали активное участие в проведении политической линии партии и правительства среди рабочих и колхозников путем организации кружков, бесед, чтоток, совещаний и митингов по политико-идеологическим вопросам. Отрезанные от родины, они понимали, что Россия стала их второй родиной. Однако, несмотря на активное участие в общем деле, их взаимодействие с русским населением происходило тяжело и медленно. Это усугублялось отсутствием разумной национальной политики, гражданского общества, тяжелым экономическим положением основной части дальневосточного населения.

Уже во второй половине 1930-х гг. советское руководство, зависимое от внешнеполитической конъюнктуры, постепенно изменило ориентиры национальной политики по отношению к корейскому и китайскому населению ДВК. Высокая вероятность войны с Японией и сомнения в благонадежности «восточников» стали официальным поводом для коренного решения вопроса их нахождения на территории советского Дальнего Востока. В 1937–1938 гг. в связи с кампаниями по выдворению «восточников» происходила ликвидация национальных школ, газет, клубов, изб-читален, кружков и всей системы политического просвещения китайского и корейского населения региона как таковой. Если в процессе выселения с корейским населением обходились более-менее до-

стойно (разъясняли им причины и план переселения, а также предоставляли информацию о местах вселения), то с китайцами обошлись гораздо хуже. В феврале-марте 1938 г. органами УНКВД по Приморскому краю было арестовано около 8,5 тыс. китайцев. Они подвергались жестоким допросам с пытками и избиениями с целью «выявления шпионских и диверсионных связей». В это время только из Приморья в Китай, Амурскую и Хабаровскую область было выселено более 10 тыс. китайцев [4, с. 79–80].

Таким образом, в 1930-е гг. советское политическое руководство предпринимало значительные попытки «советизации» корейцев и китайцев, проживавших в дальневосточном регионе СССР. Составным элементом этого процесса являлась политико-идеологическая, образовательная и воспитательная массовая работа, которая ставила целью совместное построение «светлого социалистического будущего». Китайцы и корейцы, прошедшие советскую образовательную, политическую школу и идейную обработку, несмотря на репрессии и принудительную миграцию, сохраняли приверженность идеям социализма и сыграли значительную роль в будущей победе коммунизма в КНДР и КНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Залесская О.В. Культурно-просветительская работа среди китайских рабочих на Дальнем Востоке России (20–30-е годы XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 139–151.
2. Ким Г.Н. Советизация и система образования среди корейцев Дальнего Востока // Коре Сарам – Записки о корейцах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://koryo-saram.ru/kim-g-n-sovetizatsiya-i-sistema-obrazovaniya-sredi-korejtssev-dal-nego-vostoka/>
3. Сон Ж.Г. Советские (российские) корейцы – от добровольной до принудительной миграции (1920–1938) // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи / Отв. ред. Р.К. Тангалычева, И.А. Коргун. СПб.: «Скифия-принт», 2012. С. 249–265.
4. Чернолуцкая Е.Н. Этномиграционные процессы в Приморье в 1917–1930-е гг. // Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 10–98.
5. Щуковская Ю.П. Из истории организации политико-просветительского образования среди китайского населения в Приморском крае. 1923–1939 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 3. С. 128–143.

REFERENCES

1. Zaleskaya, O.V., 2007. Kul'turno-prosvetitel'skaya rabota sredi kitaiskikh rabochikh na Dal'nem Vostoke Rossii (20–30-e gody XX v.) [Cultural and educational work among Chinese workers in the Russian Far East, 1920s–1930s], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 139–151. (in Russ.)
2. Kim, G.N. Sovetizatsiya i sistema obrazovaniya sredi koreitsev Dal'nego Vostoka [Sovietization and education system of Koreans in the Russian Far East]. URL: <https://koryo-saram.ru/kim-g-n-sovetizatsiya-i-sistema-obrazovaniya-sredi-korejtssev-dal-nego-vostoka/> (in Russ.)
3. Son, Zh.G., 2012. Sovetskie (rossiiskie) koreitsy – ot dobrovol'noi do prinuditel'noi migratsii (1920–1938) [Soviet (Russian) Koreans – from voluntary to forced migration, 1920–1938]. In: Tangalychev, R.K. and Korgun, I.A. eds., 2012. Mezhekul'turnye vzaimodeistviya v usloviyakh globalizatsii: opyt Rossii i Korei. Sankt-Peterburg: «Skifiya-print», pp. 249–265. (in Russ.)
4. Chernolutsкая, E.N., 2002. Etnomigratsionnye protsessy v Primorye v 1917–1930-e gg. [Ethnomigration processes in Primorye, 1917–1930s]. In: Vashchuk, A.S., Chernolutsкая, E.N., Koroleva, V.A., Dudchenko, G.B., Gerasimova, L.A., 2002. Etnomigratsionnye protsessy v Primorye v XX veke. Vladivostok: DVO RAN, pp. 10–98. (in Russ.)
5. Shchukovskaya, Yu.P., 2009. Iz istorii organizatsii politiko-prosvetitel'skogo obrazovaniya sredi kitaiskogo naseleniya v Primorskom krae. 1923–1939 gg. [From the history of the organization of political information education among the Chinese in Primorsky krai, 1923–1939], Vestnik arkhivista, no. 3, pp. 128–143. (in Russ.)